

Фрэнсис Бэкон

Новый Органон

**Москва
«Книга по Требованию»**

УДК 101
ББК 87
Ф93

Ф93 **Фрэнсис Бэкон**
Новый Органон / Фрэнсис Бэкон – М.: Книга по Требованию, 2013. – 384 с.

ISBN 978-5-458-09488-7

Редакция и вступительная статья Г. Тымянского. Перевод С. Красильщикова

ISBN 978-5-458-09488-7

© Издание на русском языке, оформление
«YOYO Media», 2013

© Издание на русском языке, оцифровка,
«Книга по Требованию», 2013

Эта книга является репринтом оригинала, который мы создали специально для Вас, используя запатентованные технологии производства репринтных книг и печати по требованию.

Сначала мы отсканировали каждую страницу оригинала этой редкой книги на профессиональном оборудовании. Затем с помощью специально разработанных программ мы произвели очистку изображения от пятен, клякс, перегибов и попытались отбелить и выровнять каждую страницу книги. К сожалению, некоторые страницы нельзя вернуть в изначальное состояние, и если их было трудно читать в оригинале, то даже при цифровой реставрации их невозможно улучшить.

Разумеется, автоматизированная программная обработка репринтных книг – не самое лучшее решение для восстановления текста в его первозданном виде, однако, наша цель – вернуть читателю точную копию книги, которой может быть несколько веков.

Поэтому мы предупреждаем о возможных погрешностях восстановленного репринтного издания. В издании могут отсутствовать одна или несколько страниц текста, могут встретиться невыводимые пятна и кляксы, надписи на полях или подчеркивания в тексте, нечитаемые фрагменты текста или загибы страниц. Покупать или не покупать подобные издания – решать Вам, мы же делаем все возможное, чтобы редкие и ценные книги, еще недавно утраченные и несправедливо забытые, вновь стали доступными для всех читателей.

Серия Книжный Ренессанс

www.samizday.ru/reprint

Титульный лист «Нового органа»
2-го издания 1645 года

ФРАНЦИСК БЭКОН

ФРАНЦИСК БЭКОН И ЕГО ФИЛОСОФИЯ

ХАРАКТЕРИСТИКА ЭПОХИ

Бэкон — интереснейшая фигура мыслителя и государственного деятеля Англии конца XVI и начала XVII века. Его жизнь, как и его идеи, — продукт его времени. Рассматриваемый в связи со своей эпохой, Бэкон предстает перед нами во всей своей колоритности, со всеми своими противоречиями.

Блестящий талант, глубокий мыслитель и изысканный писатель, мечтающий о счастье человечества, — и в то же время суетный, жадный к деньгам и власти вельможа. В этой выдающейся личности олицетворились все противоречия эпохи, олицетворилась острая классовая борьба, которая охватила Англию XVII века, века почти катастрофической смены феодальных отношений буржуазными. Бэкон — сын эпохи великих открытий и изобретений, порожденных развитием капитализма. Только в свете эпохи первоначального капиталистического накопления становятся понятными биография и философия великого родоначальника материализма нового времени.

В XXIV главе I тома «Капитала» Карл Маркс дал блестящий анализ и яркую художественную картину первоначального капиталистического накопления. Маркс пишет: «Так называемое первоначальное накопление есть лишь исторический процесс отделения производителя от средств производства. Он представляется «первоначальным» так как образует предисторию капитала и соответствующего ему способа производства». Крестьянин феодального общества превращается в рабочего, продающего свою рабочую силу, только тогда, когда он освобождается от крепостной или феодальной зависимости, когда он избавляется от господства цехов и их

стеснительных предписаний относительно труда. Но чтобы стать «свободной» личностью капиталистического общества, вынужденной продавать свой единственный товар — рабочую силу, — он должен быть освобожден и от средств производства и всех гарантий существования, которые были ему обеспечены феодальными учреждениями. «История этой их экспроприации, — пишет Маркс, — основывается не на простых догадках. Она вписана в летописи человечества пламенеющим языком меча и огня».

«Первые зачатки капиталистического производства, — указывает Маркс, — имели место уже в XIV и XV столетиях в отдельных городах по Средиземному морю, но тем не менее начало капиталистической эры относится лишь к XVI столетию. Она открывается там, где уже давно уничтожено крепостное право и уже значительно увял наиболее яркий цветок средневековья — свободные города. В истории первоначального накопления громадное значение имели все перевороты, которые так или иначе послужили рычагом для возвышения формирующегося класса капиталистов; но особенно важную роль играли те моменты, когда значительные массы людей внезапно и насильственно отрывались от средств своего существования и выкидывались на рынок труда в виде поставленных вне законов пролетариев». XVI век в Европе и был как раз таким моментом, а в Англии XVI века этот момент проявился в классической форме.

До XVI века в Англии господствовало феодальное производство. Страна была усеяна мелкими крестьянскими хозяйствами, обрабатываемыми свободными собственниками. Между этими хозяйствами были расположены крупные поместья дворян-аристократов. В городах находились в цветущем состоянии ремесла, строго регулируемые цеховыми организациями. Производство было рассчитано главным образом на внутренний рынок, такой же внутренний характер носила и основная торговля.

Внешняя торговля велась при помощи иностранных компаний — Венецианской, Ганзы. Основным предметом ввоза была шерсть.

Перелом в этой установившейся экономике Англии произошел в конце XV века, — с открытием новых стран, новых источников золота, новых рынков сбыта. В XVI веке торговля принимает подлинно мировой размах. Такие страны, как Испания и Голландия, создают мощные флоты, которые бороздят не только воды Средиземного и Немецкого морей, но и океанов Атлантического и Индийского. В XVI веке Англия также создает свой торговый флот и

начинает развивать свою морскую торговлю. При королеве Елизавете появляются смелые мореплаватели, которые отправляются в далекие морские путешествия и открывают новые неизвестные страны. Вслед за ними появляются миссионеры, солдаты и купцы, которые приступают к насаждению христианства и «цивилизации» во вновь открытых странах. Происходит жестокое, безжалостное ограбление местного населения, в некоторых странах дело доходит до физического его уничтожения. Развивается торговля рабами и морское пиратство. «Проклятая жажда золота» вызывает сильную конкуренцию между буржуазными странами, стремившимися захватить монополию на новые рынки. В Англии организуются компании, монополизирующие выгодную морскую торговлю и ограбление вновь открытых стран. Эти компании быстро богатеют и начинают играть значительную роль и в самой Англии. Торговля шерстью все более расширяется. То производство, которое вполне удовлетворяло внутренние потребности, теперь становится недостаточным. Прежние формы производства — деховые мастерские и отчасти домашняя промышленность в деревне — оказываются тормозом для создания тех количеств товаров, которые требуются для вывоза. Им на смену начинает появляться мануфактура, которая получает все большее развитие и ломает прежние строгие рамки деховой промышленности. Появляются капиталисты, по большей части прежние мастера или купцы, которые в стремлении к обогащению становятся сначала скупщиками, а потом и организаторами мануфактур в городах и децентрализованных мануфактур в деревне.

Однако, для развития мануфактурного производства, этой начальной стадии капиталистического производства, необходимы были два условия: расширение производства сырья и создание слоя рабочих, вынужденных идти в эксплуатацию к новоявленным капиталистам. Эти условия были созданы в Англии прямым насильственным ограблением крестьянства помещиками. Земли, которые были собственностью крестьян и обрабатывались ими в течение столетий, объявляются собственностью помещиков, и крестьяне в огромных количествах безжалостно с этих земель стоняются. Пашни превращаются в пастбища для овец, доставляющих сырье для шерстяной промышленности. Крестьяне же, изгнанные со своих насиженных земель, лишенные собственности, превращаются в бедняков, вынужденных согласиться на любую работу для своего пропитания. Дабы загнать крестьян в мануфактуры, поставить их перед необходимостью подвергнуться эксплуатации, создается соответствующая

щее жестокое законодательство, всецело защищающее интересы предпринимателя. Процесс обнищания крестьянства шел значительно быстрее, чем процесс развития мануфактурного производства. Это вызвало появление огромных масс людей, не находивших рынка для продажи своей рабочей силы. Дороги Англии заполняются бродягами, нищими, ворами. Господствующие классы, опираясь на государственную власть, на «законы против бедных», подвергают их клеймению, рабству и физическому уничтожению.

Этот процесс обезземеливания крестьянства и его обнищания получил в XVI веке еще больший толчок после реформации и отнятия монастырских имений. Последние раздавались королевской властью крупным дворянам, которые превратили их в предмет спекуляции. Пострадали крестьяне, согнанные с земли, и бедняки, лишившиеся известной части церковной десятины. Современник этого процесса, создатель знаменитой «Утопии» Томас Мор, красочно описывает этот процесс: «Овцы поглощают целые поля, города, селения. Дворяне, джентльмены, а также некоторые аббаты, обращают все земли в огороженные пастбища, они разрушают усадьбы, стирают с лица земли целые селения и ничего не оставляют на месте, кроме церкви и овчарни». Этот же процесс описывает и Бэкон в своей истории Генриха VII: «Около этого времени умножились жалобы на превращение пахотных земель в пастбища, требующие лишь присмотра немногих пастухов; земли, сдаваемые в аренду пожизненно или погодно, были превращены в господские имения. Это привело к упадку народа, а следовательно, к упадку городов, церквей...».

Насильственный процесс обезземеливания крестьянства и образования пролетариата и бессовестное обогащение кучки обуржуазившегося дворянства и вновь образовавшейся буржуазии сопровождалось в Англии XVI века ростом денежной спекуляции. Как грибы после дождя появились банки, акционерные компании, ссужавшие деньгами мореплавателей, купцов, помещиков и государство. «Государственный долг, — пишет Маркс, — делается одним из самых сильных рычагов первоначального накопления. словно прикосновением волшебного жезла он одаряет непроеводительные деньги производительной силой и превращает их таким образом в капитал, устраняя всякую надобность подвергать их опасностям и затруднениям, неразрывно связанным с помещением денег в промышленность и даже с частно-ростовщическими операциями». «Государственные займы, — продолжает Маркс, — создали, кроме того, акционерные общества, торговлю всякого рода ценными бумагами,

отчаянную спекуляцию, ажиотаж, одним словом биржевую игру и современную банкократию».*

Английское дворянство и буржуазия XVI века хорошо осознавали роль и значение денег и для накопления капитала не останавливались ни перед преступлениями, убийствами, ограблением крестьян, ни перед пиратством, уничтожением колониальных племен, нарушением договоров и т. п. Жажда золота стала самым сильным импульсом поведения господствующих классов. Королевский двор давал в этом отношении наглядный пример. Елизавета создавала армию и морской флот для защиты шерстяного и суконого экспорта, беспощадно расправляясь со своими врагами — аристократами, топя в крови крестьянские восстания и защищая при этом драконовыми законами против обезземеленных крестьян интересы английской буржуазии.

Эпоха первоначального капиталистического накопления, эпоха прямого насилия и грабежа, определявшая экономику и политику английских господствующих классов, не могла не найти своего отражения в идеологии. Во всех отраслях идеологии происходит перелом, отражающий перелом в английской экономике и классовых отношениях. Вполне понятно, что у идеологов жестокий век первоначального накопления выступал в идеализированной форме. Буржуазия заинтересована в том, чтобы ее действия, направленные к ограблению трудящихся, были представлены как акты общественного блага, чтобы они нашли оправдание в мотивах высокой нравственности и красоты. Этим объясняется то обстоятельство, что английская буржуазия не отбросила религии, а использовала движение реформации, ненависть народных масс к католицизму и его слугам, для борьбы с папством под знаменами реформированной церкви и всевозможных религиозных сект. Английские буржуа находят свою идеологию в пуританстве — религии, которая под покровом строгой нравственности и воздержания предоставляла прекрасную возможность для накопления капитала и бессовестной эксплуатации трудящихся. Пуритане, эти — по выражению Маркса** — виртуозы трезвого протестантизма, были образцами лицемерия и ханжества. Прикрываясь библией и призывами к христианской нравственности, английские буржуа безжалостно вешали своих земляков, превращенных в бродяг и нищих, торговали людьми и

* Маркс, Капитал, т. I, гл. XXIV.

** Там же.

уничтожали туземцев колоний. Британский парламент в начале XVIII в. так и заявил, что убийство и скальпирование суть средства дарованные ему богом и природой. Религия была основной, массовой формой идеологии этой эпохи. Новая буржуазия и захваченное вихрем первоначального накопления английское дворянство находили в реформированной религии идеологическое орудие своих интересов. В религиозной форме выражали также свой протест угнетаемое крестьянство и рабочие мануфактур, пытавшиеся рядом безуспешных восстаний помешать росту капитализма и улучшить свое положение.

Правда, это уже была не ортодоксальная церковная религия средневековья, а религия сектантская, реформирующая и модернизирующая свое учение.

Яркое противоречие между словами о воздержании и нравственности, которые всегда были наготове на устах дворян, ростовщиков, купцов и богословов, и их бессовестной, грабительской деятельностью определило особенно лицемерный характер, свойственный английским господствующим классам и до настоящего времени.

Англия и Голландия были странами, где процесс первоначального накопления происходил в классической форме. Поэтому именно в идеологии этих стран нашли свое отражение все противоречия этой сложной и жестокой эпохи. В Англии XVI века Шекспир создавал свои бессмертные драмы, герои которых являются яркими образами его времени. Только в XVI веке мог быть создан Ричард III — это олицетворение безудержной жажды власти, человек, который для достижения своей цели пользовался и хитростью, и лукавством, и маской религиозности, и рукою тайного убийцы, и прямым насилием. Практика эпохи первоначального капиталистического накопления отражается в монологах Ричарда, в понятных и близких современникам словах Шекспира. В минуту диничной откровенности Ричард говорит:

Да не смутят пустые сны наш дух,
Ведь совесть — слово, созданное трусом,
Чтоб сильных запугать и остеречь.
Кулак наш — совесть и закон наш — меч.
Сомкнитесь смело на врага — вперед!
Не в рай, так в ад наш тесный строй войдет.

Но откровенным Ричард бывает только наедине с собой или в обществе своего ближайшего помощника — такого же, как он, представителя безжалостных стяжателей этой эпохи — Бэкингема.

Когда же Ричарду приходится действовать, он превращается в актера, он надевает ту личину, которая требуется обстоятельствами. Он умеет притвориться и нежным влюбленным в сцене с Анной, и глубоко религиозным, далеким от суетности мирских благ, почти святым, в сцене с народом. Лицемерие и ханжество используются господствующими классами этой эпохи не менее искусно, чем прямое насилие. Находит же ростовщик Шейлок теорию, заимствованную из библии, для подтверждения своего ремесла.

Шейлок: Когда овед Лавана
Иаков пас, Иаков этот был
(Он матери своей премудрой этим
Обязан) был он третьим по числу
Преемником святого Авраама.
Да, третьим, так.

Антонио: Ну, что же из того?
Проценты брал он, что ли?

Шейлок: Нет, процентов
Не брал он; нет, тут не было того,
Что прямо вы процентами зовете.
Послушайте, что сделал он. Лаван
С ним заключил условие, что агнята
Пятнистые и пестренькие все
Иакову служить наградой будут
За труд его. Когда пришла пора
Осенняя, овечки в вожделеньи
Пошли к своим баранам — и начался
Меж этою лохматою породой
Созданья труд. Тогда хитред-пастух
Стал обдирать кору с ветвей древесных
И ветви те пред каждою овдой
Втыкал в момент ее совокупленья.
И овцы зачинали, и потом
Рождались все пестрые агнята —
И было все Иакова. Такой
Он путь избрал для барыша — и небом
Благословен он был.

В Шейлоке Шекспир изобразил не только еврейских ростовщиков. Национальность Шейлока не имеет существенного значения, как и вся та венецианская среда, в которой разыгрывается драма. Шекспир воспользовался для сюжета драмы итальянскими новеллами, но придал своей драме современный ему характер: в ней даны ростовщики и купцы эпохи первоначального капиталистического накопления, образцы которых он мог видеть в достаточном числе в Англии. Английские ростовщики-пуритане могли смело

отнести на свой счет все отвратительные черты скупца, безжалостного ростовщика Шейлока. С такой же безжалостностью, основываясь на законе и силе, они требовали права не на «фунт мяса», а на всего человека, на полное владение рабочей силой своих рабочих, превращенных в рабов. Теория Шейлока — это сатира на лицемерное оправдание ростовщичества и торговли ссылками на Библию. Шекспир изобличает этих ханжей словами противопоставляемого Шейлоку «честного» купца-дворянина Антонио:

Вот, Бассаньо,
Заметь себе: ссылаться может чорт
На доводы священного писанья.
Когда душа порочная берет
В защитники свидетельство святое,
Она — злодей с улыбкой на устах,
Красивый плод с гнилою сердцевинкой.
О, как на вид всегда красива фальшь!

Антонио изображается как противоположность Шейлоку, это положительный тип — честного, прямого, великодушного и щедрого человека. Однако, разложение феодального общества зашло уж так далеко и торговля стала столь могущественным орудием всей экономики Англии, что Шекспир свой положительный тип нашел не в землевладельце, а в купце, правда, дворянине-купце. Нужно ли говорить, что этот дворянин-купец, олицетворяющий противоположные черты щедрой разоряющейся аристократии и черты купца-биржевика, не имел под собой реальной почвы. Антонио — дворянин и купец — обречен, его временно спасла хитрость и догадка Порции, но в конечном счете он отдаст «свой фунт мяса» Шейлокам, ибо они хитрее, безжалостнее его и законы государства на их стороне. Это сознает и Антонио, в этом причина его грусти. *

Интересно, что у Шекспира герои часто говорят о своем чувстве грусти, а некоторые даже пытаются обосновать систему пессимизма. Откуда этот пессимизм в XVI веке? Он — идеологическое выражение общественного состояния той части английского дворянства, которая не была захвачена вихрем накопления и продолжала быть связанной с землей, и примыкающей к этой группе интеллигенции. Феодализм рушился, а новые буржуазные отношения выступали в очень неприглядной форме. Эти группы вовсе не хотят возврата к прошлому, да это и невозможно, но они не желают и новых порядков.

* См. у В. М. Фриче, Шекспир, 1926, стр. 74-76.